

К 90-летию со дня рождения В. В. Маяковского

Леонид Шемшелевич

Т Р И Б У Н
РЕВОЛЮЦИИ

Маяковский в Ростове

(Продолжение. Нач. в № 161).

В Ростове Маяковский, не жалея сил и времени, произвел тщательную «ревизию» книжных магазинов и библиотечного коллектора, и убедительно доказал, что нытье издателей и библиотечкарей о том, что «стихи вообще не идут», не надо принимать трагически. Стихи зачастую «не идут» по вине издательств и торгующих организаций и равнодушия к стихам библиотечных работников.

Маяковский рассказывал об одном из своих «обследований» ростовского книжного магазина: «Ростов-Дон. После тринадцатилетнего перерыва я первый раз приехал читать стихи... Местное отделение ГИЗа, имеющее большой магазин, должно было коммерчески использовать удачный «сезон»... Но на прилавке книжного магазина своих книг Маяковский не обнаружил. На вопрос, почему их нет, поэту ответили: «Проданы». Это оказалось неправдой. Маяковский пошел в подвальный склад и нашел 147 своих книг. Между ним и завмагом произошел такой диалог:

— Почему не кладете моих книг на прилавок?

— Старые. Уже никто не спрашивает у нас вообще... Для поэзии места мало...

Маяковский, вспоминая об этом разговоре, отметил, что к его попыткам вмешаться в торговлю книгами ростовские книоторговцы отнеслись благожелательно, с интересом. Поэт уговорил завмага выдать ему для продажи на литературном вечере все свои книги.

ло бы напечатать в «Литературной газете». Я говорю «к сожалению» потому, что за прошедшие десятилетия все отмеченные Маяковским недостатки книоторговли и книгоиздания продолжают жить. Маяковский и в устных своих выступлениях, и в печати не раз говорил: «Принужден был продавать стихи на собственных вечерах только ввиду утверждения ГИЗа о полном отсутствии на них спроса». И очень современно и своевременно, как и все, что говорил Маяковский, звучат и ныне слова, написанные им в Ростове:

«Поэтов винули много. Они совершенно достаточно изруганы критикой. Поэтические перемены мало влияют на тираж. Возможно, не в поэтах дело. Попробуем, временно оставив поэтов в покое, с такой страстностью обрушиться на продающих. Первое — надо установить личную ответственность заведующих торговлей за распространение до известного предела всех поступающих к ним книг. Товарищи поэты, последите временно сами за движением своих стихов!»

Поэт выступал в ростовском Доме печати, в клубе Всаотр (совторгслужащих), в театре имени Луначарского, в горсаду, в Доме Красной Армии, в школах и вузах Ростова, в цехах Ленинских мастерских. Он бывал в Ростове не только, с заранее объявленными большими литературными вечерами — лекциями, но и проездом, появляясь среди писателей, журналистов, литературной молодежи города как неожиданная радость.

В феврале 1925 года после большой заграничной поездки Париж — Атлантика — Мексика — Нью-Йорк Маяковский трижды выступал в Ростове с докладом и стихами. «Мое открытие Америки» — так назывался его литературный вечер. Советское искусство тогда только начинало развиваться во всю свою силу. На книжном рынке все еще имели хождение всякие западнобуржуазные переводные бульварные романы вроде «Жизнь начинается завтра», «Женщина, которая изобрела любовь», «Джентльмены предпочитают блондинок». По киноэкранам мчались какие-то немислимые «Всадники смерти», с аэропланов на поезда прыгали модные Гарри Пили, шли кинофильмы с причудливыми названиями: «Невеста солнца», «Священный тигр», «Индийская гробница», «Тайны Нью-Йорка», «Женщина с миллиардами».

Помнится, каким свежим ветром веяло от выступлений Маяковского, каким бодрым, наступательным духом были проникнуты стихи его и лекции, где он умело, талантливо, правдиво и смело клеймил, разоблачал культуру буржуазного Запада. Гордость советского патриота звучала во весь голос в его выступлениях на тему «Запад и мы». О политической остроте и художественной разящей зоркости выступлений Маяковского говорили даже боевые афишетеизисы его докладов, расклеенные на всех перекрестках Ростова: «Доллар-отец — доллар — дух святой», «Басни о Форде», «Черное и белое», «Неподкупность продажных газет»...

В своих докладах он неустанно, с гневной силой разоблачал так называемый «американский образ жизни», хищный американский империализм. С уважением говоря об американском трудовом народе, он подчеркивал: «Американцы бывают разные: которые — пролетарские, а которые — буржуазные». Пророчески звучали его слова: «Может статься, что Соединенные Штаты станут последними вооруженными защитниками безнадельного буржуазного дела».

Второй раз Маяковский приехал в Ростов осенью 1925 года и с 24 по 25 ноября пять раз выступил с лекциями на тему «Как делать стихи?» и с чтением своих произведений (два вечера в театре им. Луначарского, выступление перед рабкоровским и комсомольским активом, встреча с писателями и журналистами, выступления перед рабочими Ленинских ж.-д. мастерских). С восторгом слушали все мы его блестящие остроумные проникнутые заботой о развитии советской литературы выступления. Лекция «заместителя наркома просвещения по поэзии», как любил шутило себя называть Маяковский, не публиковалась, но некоторое представление о ней могут дать ее тезисы, напечатанные в афише: «Что такое поэт, поэт или мастер? Что читать? Есенинство или пивные? Как в пять уроков выучиться писать стихи? Можно ли рифму за-

быть в трамвае? Что надо знать литературному молодняку? Поэты, зубные врачи и служащие культа. От желтой кофты до красного Лефа».

Призывая «мерить по коммуне стихов сорта», Маяковский ратовал за высокое качество советской поэзии, пропагандировал ее достижения (особенно высоко он оценивал «Гренаду» Светлова. Он читал ее нам наизусть с подлинным вдохновением). Вместе с этим он гневно обрушивался на всяческую пошлость, фальшь, бездарность приспосовившихся к «соввласти» буржуазных напманских поэтов-халтурщиков.

Помню, как, широко улыбувшись, сняв пиджак и аккуратно повесив его на спинку стула, он сказал: «А теперь приступим к анализу бесконечно малых», — и субийственным сарказмом начал мастерский разбор стихов когда-то «модных», а ныне забытых «декадистствующих» и околобуржуазных «витий».

— Не у этих виршеплетов надо учиться нашим работникам стиха! — воскликнул он.

Хорошо помню его замечательный ответ на вопрос из зала: «А у кого вы учились? Кто на вас больше всего повлиял?»

— Великая публицистика Маркса и Ленина, Герцена и Чернышевского, — последовал ответ Маяковского. — Из поэтов недавнего прошлого больше всего ценю Сашу Черного.

Когда один ростовский поэт робко протянул Маяковскому тетрадку своих стихов (это было на встрече в Доме печати) и сказал: «Прочтите сами. Я стихов читать не умею», — Маяковский был искренне удивлен, на лице его выразилось сочувственное недоумение:

— Как же это так? — произнес он, морщась, — какой же вы поэт, если своих стихов читать не умеете?..

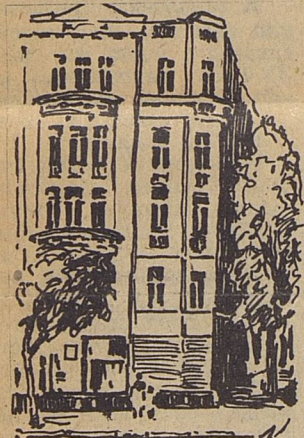
Для Маяковского написать стихи и напечатать их было только полдела; он был прирожденный массовый агитатор, ему обязательно, как он не раз об этом говорил, нужно было написанное «обнародовать голосом». Он буквально расцветал, общаясь с народом в массовой аудитории. Он восхищался возможностями, которые открыло для поэта радио. Он говорил: «Счастье немногих одиночек, слышавших Пушкина, ныне привалит ко всему миру». Он требовал места у микрофона и на граммофонной пластинке, но, увы, как мы бываем зачастую «чуждыми и нелюбопытными» к своим большим современникам — его чудо-голос, «голос-сокол», не был запечатлен для потомков, хотя это можно было сделать, ведь сохранились же звукозаписи выступлений Блока, Брюсова, Багрицкого.

Маяковский читал стихи с неповторимым мастерством и страстью. В свой последний приезд в Ростов (ноябрь 1927 года) он с гениальной захватывающей, покоряющей силой на память свыше двух часов читал поэму «Хорошо», эту «Октябрьскую революцию, элитную в бронзу», как великомерно сказал о ней Луначарский. Чтение заняло полностью два отделения вечера в Доме Красной Армии. Маяковский условно разделил чтение поэмы на ряд главков, после которых он делал небольшие паузы. В афише они были обозначены так: «Первое отделение: Шелест знамен. 2) Бей. 3) Голова присяжного поверенного. 4) Усатый нянь. 5) Извольте понюхать. 6) Я, товарищи, из военной боты. 7) Которые тут временные — слазь! 8) Здравствуйте, Александр Елок!». «Второе отделение: 12) Дым отечества. 13) С Лениным в башке и с саганом в руке. 14) Две морковники не су за зеленый хвостик. 15) Мы только мошки, мы ждем кормешки. 16) Сперли казну и удрали, сволочи. 17) Пою мое Отечество, республику мою. 18) Хорошо!».

Трудящиеся Ростова с восторгом приняли новую октябрьскую поэму Маяковского, которую он с огромным успехом читал на заводе «Красный Аксай», в Доме Красной Армии, в клубе сотрудников ГПУ, в Доме работников просвещения.

«Революцией мобилизованный и призванный» полпред советской поэзии Маяковский всегда считал своим долгом выступать перед народом. Он не мог без этого жить.

(Окончание следует).

В этом доме на одной из улиц Ростова в ноябре 1926 года выступал В. В. Маяковский. Рис. М. Долгушева.

</